

Й КЛЕЙН

**«НЕМЕДЛЕННОЕ ИСКОРЕНЕНИЕ ВСЕХ ПОРОКОВ»:
О МОРАЛИСТИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ
ЕКАТЕРИНЫ II И Н. И. НОВИКОВА**

В научной литературе о русской журналистике XVIII в господствует тенденция рассматривать журналы Новикова как выражение оппозиционных настроений по отношению к екатерининскому режиму¹ В этой перспективе трудно определить соотношение «Всякой всячины» и новиковских журналов иначе, как в духе резкой противопоставленности Не отрицая значительных различий, касающихся прежде всего вопроса о сатире, нельзя, однако, не заметить, что есть и немаловажные общие черты Среди них следует назвать в первую очередь жанровую связь данных журналов с европейской традицией моралистической журналистики,² традицией, восходящей к первым десятилетиям XVIII в, к знаменитым английским журналам Д Аддисона и Р Стиля — к «Tatler», «Spectator» и «Guardian»

Моралистическая журналистика

Как известно, английские журналы пользовались в первой половине XVIII в чрезвычайным успехом во всей Европе, прежде все-

¹ См *Макогоненко Г П* Николай Новиков и русское просвещение XVIII века М, Л, 1951, *Берков П Н* История русской журналистики XVIII века М, Л, 1952, *Monnier A* Un publiciste frondeur sous Catherine II Nicolas Novikov Paris, 1981, и др Другого мнения придерживается с убедительными аргументами В Г Джонс См *Jones W G* Nikolay Novikov Enlightener of Russia Cambridge etc, 1984, см также *Степанов В П* Новиков и его современники (Биографические уточнения) // XVIII век Л, 1976 Сб 11 С 211—219, здесь с 217—219, *Серман И З* Catherine II et «Le peintre» de Novikov // Catherine II et l'Europe / Ed A Davidenkoff Paris, 1997 P 61—69

² Ср *Martens W* Die Botschaft der Tugend Die Aufklarung im Spiegel der moralischen Wochenschriften Stuttgart, 1968 Моя работа многим обязана этому основополагающему исследованию

го в Германии³ Многократно переиздаваемые и переведенные, они вызывали многочисленные подражания, становясь, таким образом, истоком особого жанра европейской журналистики В русской периодике XVIII в., не только во «Всякой всячине» и в новиковских журналах, можно найти немало переводов из «Tatler», «Spectator» и «Guardian», которые, как правило, делались не с английских подлинников, а на основе французских или немецких переводов Название крыловского «Зрителя» явно восходит к английскому «Spectator», а новиковской «Пустомели» — к «Tatler».⁴

Однако в данной связи меня интересуют в первую очередь не отдельные источники и влияния, а тот общий жанровый характер, который связывает русские журналы не только с английскими образцами, но и со всей основанной ими традицией европейской периодики первой половины XVIII в.⁵ В германистике эта традиция обозначается жанровым термином «Moralische Wochenschriften». Этот термин можно перевести как «моралистические еженедельные журналы» или просто «моралистические журналы», причем первый вариант подчеркивает связь русских с немецкими журналами, выходившими, как правило, раз в неделю.⁶ (Английские журналы выходили значительно чаще; первые 555 номеров «Spectator», например, выходили ежедневно, кроме воскресенья).⁷ Традиционный русский термин «сатирические журналы» имеет то преимущество, что он соответствует подзаголовку самого «Живописца», названного «сатирическим сочинением». Тем не менее в данной работе предпочтительна немецкая терминология, поскольку она относится к тем специфическим моментам, которые соединяют данные журналы с восходящей к Аддисону и Стилю жанровой традицией (отдельные жанровые моменты моралистической журналистики обнаруживаются и в других русских журналах эпохи).⁸ Кроме того, этот термин принимает в расчет то обстоятельство, что данные жур-

³ Rau F Zur Verbreitung und Nachahmung des «Tatler» und des «Spectator» Heidelberg, 1980

⁴ См Левин Ю Д Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века // Левин Ю Д Восприятие английской литературы в России Л, 1990 С 5—75

⁵ Ср Martens W Die Botschaft der Tugend S 16 и сл Из подобных позиций исходит и А Койтен в своем докладе на лейденском коллоквиуме 13 марта 2004 г по русской литературе XVIII в., речь шла о немецкоязычном журнале «Spaziergänge Eine moralische Wochenschrift für das aufgeklärte Publikum in St Petersburg», вышедшем в 1772 г в Петербурге, т е в тесной временной связи с одножанровыми русскими журналами конца 1760—начала 1770-х гг

⁶ «Трутень», «Живописец» и «Кошелек» в подзаголовке и называются «еженедельными < > сочинениями» (или «изданиями»), исключением является лишь «ежемесячное сочинение» «Пустомеля»

⁷ См British Literary Magazines The Augustan Age and the Age of Johnson, 1698—1788 Westport-London, 1983 P 307—310, здесь p 307

⁸ Среди таких жанровых признаков следует назвать, например, шуточные названия журналов («И то и сьо», «Всякая всячина») или разные формы шуточной «маски», выбранной издателями журналов Систематическим анализом

налы осуществляют свой моралистический замысел отнюдь не только посредством сатиры, но и таких форм, как дидактический рассказ, путевой очерк, аллегорический сон, аллегорическая сказка, философская медитация, прямое увещание и пр., вообще говоря, в литературно-риторическом репертуаре моралистических журналов установка на назидательность играет не меньшую роль, чем сатирическое начало

Вслед за европейскими образцами, русские моралистические журналы ставят себе в первую очередь не информационную или литературную, а педагогическую задачу, стремясь внушить своим читателям правила добродетельной жизни и укрепить их в любви к добру и в отвращении от зла. Реализуя свой нравоучительный замысел, моралистические журналы в духе горацианского «*docere aut delectare*» одновременно стараются и развлечь своих читателей, часто прибегая к весело-болтливому стилю и соблюдая принцип наибольшего тематического и формального разнообразия. Моралистические журналы избегают форм авторитарно-монологического дидактизма. Преобладают, напротив, диалогические формы общения с акцентом на активное сотрудничество читателей: издатели журналов обращаются к своим читателям, отвечая на их письма и прося их присылать им материалы для печатания

В этом заключается принципиальная новизна моралистической журналистики в русском контексте: читатель уже не фигурирует как пассивный и невежественный объект обучения, но вовлекается в педагогический процесс в качестве самостоятельно мыслящего собеседника. Именно к такой публике апеллирует новиковский «Трутень» в своем споре со «Всякой всячиной», надеясь на «внимание беспристрастных и разумных читателей»⁹ В этой публике нового типа имеют свой голос не только мужчины, но и женщины: среди многочисленных читательских писем, которые печатаются в журналах, большая часть написана именно женщинами. Многие из корреспондентов явно имеют такой же фиктивный характер, как и самые издатели, например «молодой лентяй» новиковского «Трутеня» или «бабушка» «Всякой всячины», часто эти корреспонденты не называют своего имени или выступают под шуточным псевдонимом. Благодаря названным типичным (жанровым) приемам моралистических журналов¹⁰ создается атмосфера игривого вымысла и веселой анонимности, атмосфера коммуникативной непринужденности и свободы.¹¹

этих жанровых моментов в русской журналистике XVIII в. я обязан названному докладу А. Койтен

⁹ Сатирические журналы Н. И. Новикова / Под ред. П. Н. Беркова. М., Л., 1951. С. 99, в дальнейшем это издание цитируется в тексте, с указанием страницы

¹⁰ Ср. *Martens W Die Botschaft der Tugend* S. 28 и сл.

¹¹ Ср. *Jones W G Nikolay Novikov* P. 26. Споры между «Всякой всячиной» и «Трутнем» окрашены той же атмосферой: «the general impression is of much

Моралистическая периодика впервые в русской истории моделирует публичную сферу европейского типа, сферу, в которой активно участвуют образованные частные люди обоего пола на основе предполагаемого равенства под знаком свободы, разума и добродетели. Эта черта, которой отличаются и немецкие моралистические журналы, в последнем итоге также восходит к английским образцам. Однако есть и значительные различия. В Англии коммуникативная модель моралистических журналов соответствовала, как можно предположить, некоей социальной реальности¹² Иначе обстоит дело в России, где та же самая модель носит дидактико-утопический характер, скорее предвосхищая, чем отражая реальность общественного диалога.

В связи со своей законодательной деятельностью сама Екатерина II придавала большое политическое значение нравоучительной функции своего журнала. Это явствует из первых страниц «Всякой всячины», где курсивом задается риторический вопрос. «*К чему служат законы, когда нравы испорчены?*»¹³ В свою очередь, эта установка соответствует тенденциям официальной педагогики 1760—1770-х гг., решительно выдвигавшей примат нравоучительных задач воспитания перед интеллектуальными.¹⁴ Перед нами установка раннего Просвещения и «полицейского» государства камералистского типа.¹⁵ В таком же духе моралистические журналы ставят себе задачу превратить читателей в хороших граждан и подданных в этом заключается идеологическая общность «Всякой всячины» с новиковскими журналами¹⁶ Когда будет достигнута

literary rib-nudging, leg-pulling and, at the worst, mock indignation between understanding fellow-editors» (Р 38)

¹² О возникновении буржуазной публичной сферы в Западной Европе, и прежде всего в Англии, см классическую книгу *Habermas J Strukturwandel der Öffentlichkeit Untersuchungen zu einer Kategorie der burgerlichen Gesellschaft* Berlin, 1968

¹³ Всякая всячина [СПб, 1769—1770] С 9 В дальнейшем это издание цитируется в тексте, с указанием страницы

¹⁴ Ср *Рождественский С В* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX веках СПб, 1912 Т I С 298 («Главное внимание обращено было не на „хитрости наук“, но на обучение детей „познанию должностей человека, в обществе жить имеющего“»)

¹⁵ Ср *Raeff M* *The Well-Ordered Police-State Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600—1800* New Haven, London, 1983 Ср также *Рождественский С В* Очерки С 386 Исследователь говорит в этой связи о «чисто полицейской государственности»

¹⁶ Тот факт, что новиковские журналы иначе, чем «Всякая всячина», представляют акценты в вопросе о допустимых формах сатиры, в принципе не меняет дела То же самое можно сказать об отношении новиковских журналов к тому, что они считают злоупотреблениями крепостного права (которое в существе не отрицается) Различие заключается лишь в том, что новиковские журналы подчеркивают такие явления гораздо сильнее, чем «Всякая всячина» Если тут предполагается непримиримость идеологических позиций,

воспитательная цель, государственная машина, регулируемая законами мудрого правителя, сможет работать без всякой помехи на общее благо.

С точки зрения XVIII в., морализаторская деятельность казалась не только нужной, но и перспективной. Определяющим здесь является оптимистическая вера европейского Просвещения в «перфектибельность» человека, то есть убеждение в том, что в отличие от животных человек способен к нравственному усовершенствованию. Таким образом, редактор «Всякой всячины», отвечая на помещенное в этом номере журнала письмо сочувствующего читателя и ничуть не сомневаясь в скором успехе своих нравоучительных устремлений, может с уверенностью и без иронии писать: «Мы не сомневаемся о скором исправлении нравов и ожидаем немедленно искоренения всех пороков; ибо уже начали твердить наизусть Всякую Всячину, что вышеписанным письмом доказывается. Сочинитель онаго важность нашего труда совершенно узнал...» (123—124). В моралистических журналах цель педагогического процесса мыслится не как умозрительный идеал, к которому на практике можно только приближаться, а как вполне возможная реальность. В этой перспективе педагогического утопизма функция добродетельных героев, которые так часто встречаются как в моралистических журналах, так и в сатирических комедиях XVIII в., заключается не только в том, чтобы иллюстрировать идеал морального совершенства, но и внушить публике мысль о его реальной достижимости.

Мысль о способности человека к совершенствованию, находясь в противоречии с христианской догмой о наследственном грехе и фундаментальной испорченности человеческой природы, одновременно обосновывает характерное для XVIII в. убеждение, которое выражается в словах Добролюбова из фонвизинского «Бригадира»: «всему причиной воспитание».¹⁷ В свою очередь, это убеждение соответствует известному учению английских эмпириков-сенсуалистов, в частности представлению о том, что человек в начале

трудно себе представить, почему Екатерина II летом 1772 г. пожаловала Новикову, посвятившему ей своего «Живописца», сумму в двести рублей; ср.: *Степанов В. П.* Новиков и его современники. С. 217 и сл.; ср. также: *Jones W. G.* Nikolay Novikov. P. 61 и сл.

¹⁷ *Фонвизин Д. И.* Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 45—103, здесь с. 90. Об интеллектуальных предпосылках педагогического оптимизма см.: *Gusdorf G.* L'avènement des sciences humaines au siècle des Lumières. Paris, 1973. P. 95—108 («Les présupposés de la pédagogie des Lumières»); см. также: *Möller H.* Vernunft und Kritik. Deutsche Aufklärung im 17. und 18. Jahrhundert. Frankfurt/M., 1986. P. 133—143 («Erziehung des Menschengeschlechts»). Об истории педагогической мысли в России см.: *Рождественский С. В.* Очерки...; *Black J. L.* Citizens for the Fatherland. Education, Educators, and Pedagogical Ideals in Eighteenth Century Russia. New York, 1979; *Кочеткова Н. Д.* Литература русского сентиментализма. (Эстетические и художественные искания). СПб., 1994. С. 27—42 («Воспитание ума и „образование сердца“»).

своего развития является *tabula rasa*, на которую потом «вписываются» впечатления внешнего мира. Вера в безграничные возможности педагогики также явствует из часто цитируемого высказывания, что задача воспитания заключается в том, чтобы создать «идеального человека и совершенного гражданина». Это высказывание иногда приписывается Екатерине II, однако на самом деле оно принадлежит ее корреспонденту Ф. М. Гримму¹⁸. Тем не менее данная формулировка вполне соответствует реформистской программе императрицы и ее помощников¹⁹. С этой точки зрения, порочность человека представляется не иначе как следствие его дурного воспитания, причем, правда, иногда принимается в расчет и возможное влияние наследственности²⁰ (вопрос о социальном неустройстве как определяющем факторе человеческого поведения не ставится совсем, дело, скорее, обстоит противоположным образом: когда все граждане будут добродетельны, уже не будет социального неустройства — перед нами характерный для дореволюционных эпох примат моралистического мышления перед социологическим).

Никогда в истории так много не говорилось и не писалось о педагогике, как в XVIII в., этом «веке воспитания», в России с 1760-х гг. выходят главные произведения западной педагогической мысли, как например «*Some Thoughts Concerning Education*» Дж. Локка в переводе Н. Н. Поповского (три издания в течение XVIII в.). Начиная с VII сатиры Кантемира «О воспитании» эта тема часто фигурирует и в оригинальном творчестве русских авторов: плачевные последствия плохого воспитания разоблачаются не только в моралистических журналах, но и в комедиях XVIII в. Фонвизин был поглощен этой темой, о чем свидетельствуют как его «*Бригадир*» и «*Недоросль*», так и оставшиеся фрагментами последние две его комедии «*Добрый наставник*» и «*Выбор гувернера*». С начала 1760-х гг., после восшествия на престол Екатерины II, эта тема начинает играть большую роль и в государственной сфере. Становясь центром культурной политики новой императрицы, официальный интерес к педагогике выражался в многочисленных программных высказываниях и таких нововведениях, как воспитательные дома в Москве и Петербурге, воспитательное училище при Академии художеств, Общество благородных девиц в Петербурге и т. д.

Таким образом, моралистическая публицистика 1760—1770-х гг. вписывается в широкий контекст официальных и частных педагогических устремлений, причем разница заключается в том, что в данном случае адресатами воспитательной деятельности являются

¹⁸ *Рождественский С. В.* Очерки. С. 314. К сожалению, автор не указывает место этой (в оригинале французской) цитаты в сочинениях Гримма.

¹⁹ Там же С. 251 и сл.

²⁰ Там же С. 335—336.

не дети и подростки, а взрослые — покупатели и читатели «Всякой всячины», «Трутня» и других моралистических журналов эпохи. В этой воспитательной работе главным орудием являлось нравоучение во всех своих литературных и дискурсивных формах. Это нравоучение носило рационалистический характер, в итоге оно мыслилось как передача моральной информации, подкрепляемая апелляцией к эмоциям читателя за счет сатирических и других форм изложения. Для авторов данной эпохи все сводилось к моральной осведомленности — добродетель и знание, порок и невежество составляли две стороны одной медали. Оснащенный необходимым знанием, каждый человек сможет различить добро и зло, подавить свои «страсти» и вступить на путь истинный. В последние годы XVIII в. нравоучение все более теряет рационалистический характер:²¹ теперь истоком морали рассматривается скорее «сердце», чем разум, и вид добродетели вызывает не столько рациональное удовлетворение, сколько слезы умиления. Однако этот сентиментальный вариант культа добродетели в целом остается чуждым моралистическим журналам и доминирующему в них духу раннего Просвещения.²² В такой перспективе каждая апелляция к добродетели является апелляцией к разуму; человеческая воля мыслится как послушное орудие этого разума, который в свою очередь дан природой не в готовом виде, а нуждается в развитии посредством воспитания и образования.

К сожалению, как дети, так и взрослые обнаруживают склонность забывать необходимое для добродетельного поведения знание; отсюда необходимость неустанного повторения моральных принципов. Озабоченный распространенным взяточничеством, издатель «Всякой всячины» говорит: «Я уверен, что если в должностях употребляемы будут люди с воспитанием и со знанием, менее услышим о корыстолюбии. Человек, который с молодых лет привык слышать и читать похвалу добродетелей и поношение пороков, более несомненно воздержания имеет от сих, и более почтения к первым, нежели тот, который почти различия не знает между пороками и добродетелями» (200).

Высокая цель моралистических журналов могла быть достигнута только с помощью простого и ясного языка. Во «Всякой всячине» издатель просит одного читателя сообщить редакции из своего личного опыта, «какие нинаест заматерелые обычаи, кои бы вы желали видеть исправленные [!]», присоединяя к этому просьбу придерживаться при изложении «обыкновенного простого слога» (172). Сходное читаем в письме читателя, который просит «Всякую всячину» «не прогневаться, что я ни высоких мыслей, ни остроумных

²¹ См.: Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма. С. 27—42.

²² Исключение составляет приписываемый иногда Радищеву «Отрывок путешествия в*** И*** Т***» из новиковского «Живописца».

слов и никаких витиеватых силлогизмов не выбирал, а пишу самым простым штилем, которым обыкновенно говорят, да при том соблюдаю ясность и справедливость» (259). Этот слишком скромный читатель очевидно выражает редакционные принципы журнала. Литературно-историческое значение моралистических журналов заключается не в последнюю очередь в том, что они способствовали развитию русской прозы среднего стиля.

Новая этика для дворянской публики

В своей педагогической работе русские моралистические журналы могли опираться на аналогичные стремления Петровской эпохи. Как известно, «царь-преобразователь» стремился к тому, чтобы совершить фундаментальную перемену менталитета своих подданных: «новая» Россия нуждалась в «новых» людях. Эта программа и основанная ею традиция определяют своеобразие того культурного контекста, который стал релевантным для русского восприятия западной моралистической журналистики: в специфических условиях русской культуры XVIII в. эта журналистика предстает продолжением культурной революции Петра I. Это следует учесть, когда речь идет о создании «идеального человека и совершенного гражданина»: на русской почве задачей моралистических журналов является не просто воспитание читающей публики, как в Англии или Германии, а, скорее, ее «перевоспитание» под знаком оппозиции «старой» и «новой» России; ср. утопизм официальной педагогики 1760—1770-х гг., предусматривавшей в нововведенных образовательных учреждениях полную изоляцию воспитанников от окружающей среды, этого носителя «порочной» традиции.

Культурная политика Петра I вместе с интеллектуальным обликом русского человека стремилась изменить и его моральный облик. Необходимо было создать новую этику — заменить традиционное благочестие, т. е. древнерусский идеал христианского поведения, новой нравственной нормой, которая бы соответствовала потребностям европеизированной России. Для этой задачи никто не оказался таким квалифицированным, как Феофан Прокопович, представитель русской церкви и одновременно главный пропагандист царя. В своих петербургских проповедях Феофан стремится переинтерпретировать традиционное благочестие в смысле петровской идеологии. В центре его проповеди 1718 г. к празднику Св. Александра Невского²³ находится повторяемый в качестве лейтмотива фундаментальный вопрос христианской этики: «как нам

²³ Феофан Прокопович. Слово в день святого благоверного князя Александра Невского // Феофан Прокопович. Сочинения / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л., 1961. С. 94—103.

спастися» — как может человек достигнуть вечной жизни? Традиционный ответ гласил бы: соблюдением постов, целомудрием, молитвами и деятельной любовью к ближнему. Из этих требований традиционного благочестия подхватывается Феофаном только любовь к ближнему, и то в характерном переосмыслении: в качестве пути к спасению любовь к ближнему должна осуществляться уже не в привычной форме, т. е., например, как милостыня, а как аккуратное выполнение гражданских обязанностей на службе государству. Все сводится к тому, что в «новой» России Петра I идеал хорошего христианина должен реализовываться не за стенами монастыря, а в служебном кабинете трудолюбивого чиновника.

Моралистические журналы также стремятся по-новому осмыслить религиозные понятия прошлого, которые у них теперь сочетаются с такими ключевыми понятиями новой этики, как «честь» и особенно «добродетель», — популярнейший лозунг европейского Просвещения. В России слово «добродетель» было известно из церковнославянской письменности,²⁴ но в XVIII в. оно наполняется новым содержанием в соответствии с секуляризационными тенденциями петровской и послепетровской России, превращаясь в эквивалент английского *virtue* и немецкого *Tugend*.

Новая этика основывается уже не только на воле Божией и учении православной церкви, но и на требованиях человеческого разума. Благочестие древнерусского человека отличалось исключительной ориентацией на иной мир. Теперь мы имеем дело с установкой, которая отнюдь не была антирелигиозной, но все же стремилась соответствовать прежде всего потребностям земной жизни. В моралистических журналах мирской характер новой этики вырисовывается особенно наглядно тогда, когда речь идет об отношениях полов, т. е. тогда, когда трактуется тема добродетельной любви мужчины и женщины, причем читатель предупреждается о таких «пороках», как кокетство, неискренность и непостоянство (осуждение щеголей и щеголих). Такая этика в первую очередь уже не заботится о вечном блаженстве после смерти, но о том временном блаженстве, которое составляет награду добродетели в нашем мире.

При всем этом русские моралисты XVIII в. избегали полемического противопоставления своего просвещенного эвдемонизма христианской вере. Эта осторожность отличает их от французских просветителей и определяет их общность с немецкими и британскими собратьями: в России придерживались не радикальных, а умеренных направлений европейского Просвещения. Нужно было не отменить традиционную религию, но примирить ее с интересами земной жизни. Таким образом, критика религии в рус-

²⁴ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. I. Стб. 676—677.

ских моралистических журналах обращена не против христианства как такового, а только против определенных аспектов, прежде всего религиозного презрения к земному бытию. Продолжается типичная для Петровской эпохи полемика против тех приверженцев допетровских традиций, которые в проповеди Феофана Прокоповича к празднику Св. Александра Невского фигурируют как «лицемеры» и «мнимые святцы»: ²⁵ имеются в виду те люди, которые соблюдают с крайней точностью и во всех ритуальных подробностях все предписания древнерусского благочестия, однако пренебрегают при этом своими гражданскими обязанностями. Кроме того, моралистические журналы ратуют против «суеверия», находясь в согласии не только с публицистами Петровской эпохи, но и с западными просветителями, у которых этот полемический лозунг не сходил с языка в выступлениях не только против суеверия профанного быта, но и против определенных проявлений религиозной традиции.

Просветительская критика «лицемерия» и «суеверия» должна была вызывать неудовольствие приверженцев древнерусской культуры, которые и во второй половине XVIII в. еще не перевелись. Один анонимный (и, очевидно, фиктивный) читатель новиковского «Трутня» признается в своей суеверии, говоря, что «я по утрам смотрю толкование снов, и которой день для меня означает счастлив или несчастлив, по тому я свои поступки и располагаю. Впрочем, книг я никаких не читаю за тем, что тетушка моя мне сказала, что в светских книгах много ереси» (161). Бытовое суеверие здесь находится в компрометирующей связи с отвержением всякого мирского образования, т. е. с тем, что с петровской точки зрения считалось воинствующим «невежеством» московской старины. Сходные мотивы мы находим в письме, полученном редакцией «Всякой всячины» от другого анонимного читателя, причем ясно возникает уже известное нам противопоставление «старой» и «новой» России. Речь идет о некоей дискуссии между «старыми» и «молодыми». Молодые, к которым примыкает и сам автор письма, — это представители «нынешняго света»; их оппоненты, напротив, предстают как «люди престарелые и преданные самой древности во всем» (161). Этим пожилым приверженцам допетровской эпохи не нравится «Всякая всячина». Не говоря, правда, о «ереси», они решительно предпочитают религиозную литературу, т. е. «духовныя душеполезныя книги», и негодуют на то, что традиционное «благочестие» обозначается «молодыми» как «суеверие» (162).

Отвечая на это письмо, издатель «Всякой всячины» поступает как Феофан Прокопович, используя религиозные категории прошлого в актуальных целях новой этики, причем традиционная «душеполезность» фигурирует в тесном соседстве с такими понятиями

²⁵ Феофан Прокопович. Сочинения. С. 101.

нового духа, как «предубеждение»²⁶ и «добродетель» (в секуляризованном, новом понимании этого слова). При всей близости к Феофану Прокоповичу, издатель «Всякой всячины», однако, не разделяет его типичный для Петровской эпохи полемический задор; обнаруживая терпимость в разговоре с инакомыслящими, он «почитает» «примечания стариков», однако думает, что если они «прочтут наши листья без преубеждений, то найдут в них душеполезныя наставления и посреди забавы для того, что мы объявили войну порокам, а добродетель мы везде стараемся прославить. Что же на свете быть может полезнее душе, как добродетель? и добродетель в веселой еще одежде?» (163).

В моралистических журналах нравоучительная функция реализуется уже не в духе характерной для древнерусской культуры серьезности, а с веселой улыбкой. И в этом отношении моралистические журналы конкурируют с духовными книгами допетровского прошлого, и эта конкуренция была тем более перспективной, что только они, моралистические журналы, были в состоянии помочь человеку ориентироваться в жизни «новой» России.²⁷ Таким образом, в последней трети XVIII в. еще не утихла культурная борьба Петра I, причем православная церковь, окончательно лишаясь своей традиционной монополии нравоучения, еще больше вытесняется на периферию современной культуры. Со своим нравоучением нового типа журналы Екатерины II и Новикова близки не только к проповедям Феофана Прокоповича, но и к таким «профанным» произведениям, как «Юности честное зерцало» и сатиры Кантемира. Своеобразный эквивалент французского «*honnête homme*» и английского «*gentleman*», «честный человек» просвещенной России должен демонстрировать добродетель как в гражданской, так и в личной сфере, не забывая при этом и правила западноевропейской благовоспитанности. Этот последний пункт особенно подчеркивается издателем «Всякой всячины», с неодобрением говорящим о «молодых девушках», которые «чулков не вытягивают, а когда сядут, тогда ногу на ногу кладут, чрез то поднимают юпку так высоко, что я сие приметить мог, а иногда и более сего» (156); кроме того, редактор критически отзываясь о «пивунах», т. е. о тех, которые, находясь в обществе, пьют слишком много разных напитков, «например

²⁶ Это слово отсутствует у И. И. Срезневского Ср. *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка* М., 1971 Т. 3 С. 357, где находим лишь слово «предрассудок» (в качестве кальки из фр. *préjugé*)

²⁷ Аналогичная ситуация существует в Германии первой половины XVIII в., где моралистические журналы подвергаются ожесточенной полемике со стороны приверженцев традиционного протестантизма (*Martens W Die Botschaft der Tugend* S. 142 и сл., S. 171 и сл.) конфликт с религиозной традицией является общей чертой раннего европейского Просвещения, причем весь вопрос заключается в том, в какой мере официальные церкви идентифицируются с этой традицией

двенадцать и более чашек чаю или кофе, кислых щей, лимонада»: от этого могут возникнуть болезни, а «брюхо будет как барабан» (158).

Такие вещи можно найти и в моралистических журналах Запада. Различие заключается в адресате. Публика, к которой обращаются английские или немецкие моралистические журналы, состояла не столько из дворян, сколько из зажиточных буржуа.²⁸ В фиктивном клубе джентльменов, помогающих издателю английского «Spectator», не случайно встречается и богатый купец, либеральные воззрения которого отражаются в его говорящем имени Sir Andrew Freerport.²⁹ Главный акцент здесь лежит не на дворянском титуле, а на практически-буржуазном знании мира, олицетворяющемся в персонаже успешного коммерсанта. Правда, в своей двойной роли дворянина и антрепренера-издателя Новиков также соответствует этому социальному типу. Но среди своих соотечественников Новиков был исключением: типичный русский дворянин XVIII в. состоял или в военной или в штатской службе, если не предпочитал заниматься своим поместьем.

Этика европейских моралистических журналов в основном была предназначена для буржуазной публики (и смежных слоев мелкого дворянства), независимо от всех претензий на внесословную универсальность.³⁰ Иначе обстоит дело в России XVIII в., где буржуазия западного типа отсутствовала: социальный и культурный тон здесь задавался исключительно благородным сословием. Анонимный издатель «Всякой всячины» является таким же дворянином,³¹ как и молодой ленивец, фиктивный издатель новиковского «Трутня». Несмотря на известные усилия Екатерины II создать в России «третьего чина людей», действительность, которая изображается на страницах как «Всякой всячины», так и новиковских журналов, населена прежде всего дворянами (то же самое относится к русской комедии XVIII в.). Если речь идет о деревенском дворянстве, как это особенно часто бывает у Новикова, попадают в поле зрения и крепостные крестьяне (как жертвы помещичьего произвола). Кроме того, встречается еще сатирический тип «подьячего»,³² причем часто неизвестно, каких он чинов, так что читатель не знает, идет ли речь о дворянине; остальные группы населения (купцы

²⁸ Martens W. Die Botschaft der Tugend. S. 302 и сл.

²⁹ The Spectator / Ed. D. F. Bond. Oxford, 1965. Т. 1. № 2. P. 7—13, здесь p. 10—11.

³⁰ Martens W. Die Botschaft der Tugend. S. 303.

³¹ В предисловии «К читателю» этот издатель представляет себя как человека, которому не нужно зарабатывать на хлеб, прибавляя, что его доход «есть дань, мною наложенная на людей, кои более меня работают в поте лица своего», что явно относится к крепостным крестьянам издателя (без паг.).

³² Ср.: Гукковский Г. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750—1760-х годов. М.; Л., 1936. С. 70—89.

или мещане) встречаются значительно реже, не говоря уже о духовных лицах. Таким образом, добродетель, проповедуемая в русских моралистических журналах, предстает скорее дворянской, чем общечеловеческой добродетелью, главными носителями порока являются такие дворянские фигуры, как жестокий помещик, нечестный судья, мот, петиметр-галломан и кокетка; неясное положение в этом отношении занимают лишь упоминавшиеся уже «подьячие».

Во всем этом отражаются стремления современных культуртрегеров создать в России специфически дворянскую культуру³³ русские дворяне, как и их западные собратья по сословию, должны были отличаться от других слоев общества не только юридическим положением, т. е. привилегиями, но и культурным хабитусом: в отличие от французского «*honnête homme*» и английского «*gentleman*» русский «честный человек» представляет собою личностный идеал узко-сословного характера. Однако в последние десятилетия XVIII в эта установка на дворянскую публику уже не совсем соответствовала реалиям возникающего книжного рынка: в предисловии к третьему изданию новиковского «Живописца» читаем, что своим продолжающимся успехом журнал обязан не только дворянской публике, но и «мещанам», «простосердечным людям», которым «по незнанию их чужестранных языков» он явно «попал на вкус».³⁴ Однако от этого фактического положения дел до сознательной ориентации русской журналистики на демократического читателя был еще длинный путь.

³³ Там же, ср также *Jones W G Nikolay Novikov* P 44, 53—54

³⁴ Русская проза XVIII века / Под ред. А. В. Западова и Г. П. Макогоненко М., Л., 1950 Т. I С. 323—324